

2. Ірванець О. Мій хрест / Олександр Ірванець ; післям. С. В. Жадана ; худож.-оформ. О. М. Артеменко. – Х. : Фоліо, 2010. – 122 с.
3. Олександрів Б. Колокруг : поезії / Борис Олександрів. – Мюнхен : Ін-т л-ри ім. М. Ореста, 1972. – 103 с.
4. Пумпянский Л. В. Классическая традиция : собрание трудов по истории русской литературы / Лев Васильевич Пумпянский ; отв. ред. А. П. Чудаков ; сост. : Е. М. Иссерлин, Н. И. Николаев ; вступ. ст., подгот. текста и примеч. Н. И. Николаева. – М. : Языки рус. культуры, 2000. – 864 с.
5. Слабошпицький М. 25 поетів української діаспори / Михайло Слабошпицький. – К. : Ярославів Вал, 2006. – 728 с.
6. Сучасна українська література кінця ХХ ст. – початку ХХІ ст. / упоряд. текстів, передм., підгот. навч.-метод. матеріалів І. М. Андрусика. – К. : Школа, 2006. – 464 с. – (Шкільна хрестоматія).
7. Титикайло Є. Ю. Одкровення : поезії / Євген Юрійович Титикайло. – Дрогобич : Відродження, 2004. – 78 с.

Артеменко Людмила. Генологические модификации украинской поэтологической лирики. Стаття посвящена дослідженню жанрової специфіки української поетологічної лірики. Поетологічна лірика в роботі кваліфікована як така, тематичну направленість якої визначає круг питань, пов'язаних з художніми рефлексіями або саморефлексіями автора твору.

На матеріалі поетичних текстів української поетологічної лірики ХІХ–ХХ століть проаналізовані жанри неканонічного типу, в яких авторська комунікативна стратегія служить для направлення читача на певні генологічні сопоставлення і паралелі з окремими більш або менш традиційними жанровими побудовами. До жанрів неканонічного типу української поетологічної лірики відносять п'ять генологічних типів: 1) мартирологічна лірика; 2) ліричний портрет або автопортрет; 3) путівні замітки; 4) стихотворна поезика; 5) пам'ятник.

Ключевые слова: поетологічна лірика, жанрова специфіка, авторська комунікативна стратегія, жанри канонічного типу, жанри неканонічного типу.

Artemenko Liudmyla. Genological Modifications of Ukrainian Poetological Lyrics. The present article is concerned with investigation of the specificity of the genre of the Ukrainian poetological lyrics. In the present study the poetological lyrics is described as having the thematic scope, defined by the range of the issues, related to the artistic reflections or the self-reflections, the introspection of the author.

Based on the poetic texts of the Ukrainian poetological lyrics of the XIX – XX centuries, the genres of the non-canonical type have been analyzed, in which the author's communicative strategy serves for leading the reader to the certain genological comparison and parallelizing between the independent genre constructions, more or less traditional. Generally, five genological types are relegated to the genres of the non-canonical type of Ukrainian poetological lyrics: 1) the martyrological lyrics; 2) the lyrical portrait or self-portrait; 3) the travel notes; 4) the versified poetics; 5) the monument (memorial).

Key words: poetological lyrics, specificity of the genre, author's communicative strategy, genres of the canonical type, genres of the non-canonical type.

Стаття надійшла до редколегії
14. 03. 2016 р.

УДК 821.161.1.09

Ян Бай

Роль художественной детали в рассказах А. И. Солженицына

На матеріалі раних оповідей А. І. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» (1962), «Случай на станции Кочетовка» (1962) проаналізовані художественні деталі, що створюють специфічні примети реального і художественного часу в малій прозі письменника. Розглядаються подробиці зображення лагєрної життя в їх сопоставленні з передбачуваними рисами звичайного світу. Виявляється роль деталі в типизації і обобщенні подій, характерів, простору і часу дії. Прослідковується, як за допомогою художественних деталей формується морально-духовний пласт твору. Проводиться лінгвістичний аналіз описових і діалогових фрагментів тексту. Визначається роль авторських графічних виділень. Дана розширена інтерпретація семантики заголовка оповіді «Случай на станции Кочетовка».

Ключевые слова: творчість А. І. Солженицына, «Один день Ивана Денисовича», «Случай на станции Кочетовка», художественні деталі.

© Бай Я., 2016

Постановка научной проблемы и её значение. Художественная деталь традиционно является одним из эффективных средств создания художественного образа в литературном произведении. Авторские детали акцентируют внимание читателей на малоприметной черте внешности героя, его эмоционального состояния, обстановки и места действия. Это способствует глубине обрисовки картины значительно больше, чем несколько пространных описаний. Как правило, выразительная подробность упоминается не один раз в произведении или, вызывая ассоциации, вырастает до статуса символа. В роли деталей выступают реальные подробности действительной жизни.

Анализ исследований по данной проблеме. На важную роль художественных деталей обратили внимание сразу после выхода рассказа А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» в 1962 году. В. Я. Лакшин, рассматривая особенности детализации созданной писателем картины лагерного быта, подчеркивал, что пристальное «внимание ко всему обиходу жизни лагеря художественно оправданно еще и тем, что Иван Денисович, которого автор дал нам в проводники по каторжному аду, человек по-крестьянски дотошный и практичный, а восемь лет лагеря еще приучили его быть внимательным ко всякой мелочи, ибо от этого зависит благополучие, здоровье и самая жизнь лагерника» [1, с. 38]. «Малой энциклопедией лагерного быта», в которой «всякая вещь имеет иную цену, нежели на воле», назвала рассказ Л. И. Сараскина [3, с. 464].

А. В. Урманов отдельную часть работы о рассказе «Один день Ивана Денисовича» посвятил анализу особенностей функционирования художественных деталей. Этот фрагмент имеет показательное название «Большое в малом (искусство художественной детали)» [6]. Размышляя о принципе соотношения «большого» и «малого» в произведениях А. Солженицына и об идейно-эстетической нагрузке художественных деталей, исследователь высказал мнение о том, что деталь в рассказе Солженицына «Один день Ивана Денисовича», «характеризуя не переживания персонажа, а его „внешнюю” жизнь, является одной из достоверных подробностей лагерного быта» [7, с. 29].

Цель и задачи статьи – расширить исследовательские представления о роли детали в художественном мире произведений А. И. Солженицына, опираясь на пространственно-временные характеристики конкретных рассказов.

Изложение основного материала и обоснование полученных результатов исследования. Повествование об одном дне лагерной жизни в рассказе «Один день Ивана Денисовича» тщательно конкретизируется автором до мельчайших подробностей с добавлением в картину жизни заключенных застывших и мертвых оттенков, которые подчеркивают продолжительность и бесконечность мучений эков. По признанию Солженицына, для того чтобы описать всю лагерную жизнь, «по сути, достаточно описать один всего день в подробностях, в мельчайших подробностях, притом день самого обыкновенного работяги, и тут отразится вся наша жизнь» [3, с. 461].

В целом светлый тон рассказа проявляется не только в развязке. Он прозрачно и детально видится в каждом решении героев, в разговорах Шухова с другими людьми, в его действиях. Автор показал радости Шухова, хотя и незначительные, но заметные и повсеместные. Писатель соединил светлое восприятие человека и темные стороны лагеря вместе, чтобы первое противостояло второму: живая человеческая душа против безжалостного лагеря и даже против целой социальной системы.

День – это короткий отрезок в масштабах всей жизни. Но в плане деятельности он является насыщенным, поскольку в каждом текущем моменте перед героями появляются разные «мелкие новости», которые дают заключенным разные «мелкие возможности». Писатель перечислил эти возможности: «...шить кому-нибудь из старой подкладки чехол на рукавички; богатому бригаднику подать сухие валенки прямо на койку, чтоб ему босиком не топтаться вокруг кучи, не выбирать; или пробежать по каптеркам, где кому надо услужить, подмести или поднести что-нибудь...» [4, с. 15]. Эти возможности рассматриваются как стимулы изменения лагерной жизни, в них сконцентрированы жизненные правила в лагере, вокруг них развивается сюжетная линия рассказа и именно ими лагерная жизнь отличается от нормальной жизни. Мир лагеря характеризуется мелкими событиями, подобными невидимым стенам, которые изолирует героев от настоящей жизни. Лагерная жизнь повторяется в мелочах «от звонка до звонка» [4, с. 114].

С другой стороны, «кто знает лагерную жизнь, всегда может подработать...» [4, с. 15]. То есть те, кто хорошо знают, умеют использовать возможности, появляющиеся в лагере, могут и выжить либо хитростью, жестокостью, либо жизненным опытом и умом. Именно в контексте вопроса о выживании автор показал каждую деталь лагерной жизни. Вместе с заданным вопросом начинаются

и день Шухова, и сюжет рассказа: с пяти часов утра до того, что «засыпал Шухов вполне удовлетворенный» [4, с. 114]. Это единственный вопрос, который волнует героев каждую минуту. Цель каждодневной деятельности героев рассказа – одна: убежать от голода и холода и не умереть. Например, герой тратил много сил на «хлеб». В тексте рассказа отдельное слово «хлеб» повторяется 27 раз. Употребляются и другие однокоренные слова: «хлебушка», «хлебце», «хлебной», «хлепать», «хлеборезка» – и текстовые синонимы: «пайка», «полпайка» (слово «пайка» повторяется 22 раза). Через столь подробное изложение читатели точно знают, как в лагере дают энкам хлеб; какой дают хлеб; сколько раз в день дают хлеб; сколько у каждого энка хлеба; как надо кушать этот хлеб, с кашей или без ничего; когда его кушать; как держать в руках, где положить и как спрятать... В размышлениях о хлебе возникали разные мысли о том, что «надо хлеб хранить, жизнь не потерять», ведь хлеб является средством к выживанию и отождествляется с теми вещами, которые необходимы для существования энков. Всё, что заботит энков, коренным образом зависит от хлеба; все остальные мысли или потеряли значение, или исчезли.

Однако благородные человеческие качества не изношены в лагерных условиях; они проявляются по-другому, становятся незаметными. Для Шухова делать добрые дела принципиально важно, это является частью его натуры. Хитрость Шухова является «умом в маленьком масштабе», что свойственно и другим героям рассказа. Например, Шухов думал: «За что Алешка молодец: эту книжечку свою так засовывает ловко в щель в стене – ни на едином шмоне еще не нашли» [4, с. 28]. У Алешки есть только переписанная половина Евангелия, а он перечитывает, и людям свои мысли внушает. Он так же, как Шухов, своим способом делает другим маленькое добро.

«– На, Алешка! – и печенье одно [Шухов. – Б. Я.] ему отдал. Улыбается Алешка. – Спасибо! У вас у самих нет! – Е-ешь! У нас нет, так мы всегда заработаем» [4, с. 113]. Печенье изменило свой статус в лагерных условиях, став деликатесом. Оказывается, что дав печенье Алешке, Шухов совершил очень щедрый поступок. Шухов – не жадный, не эгоист, умеет делить радость с другими людьми. Главное: в лагере всякое маленькое добро увеличивается в размерах по своей важности, оказывается гораздо большим, чем является в нормальных жизненных условиях.

День Шухова показан через художественную лупу, автор досконально разобрал каждое действие и психологическое движение героя. С помощью деталей возможно предположить, как пережил Шухов эти годы и какие трудности ему придется преодолеть в будущем. Все второстепенные герои рассказа также проходят испытания, страдают. Это воплощено не только в идейном плане, но и на лингвистическом уровне. Героям принадлежат короткие реплики, в которых употребляются просторечия. Писатель специально выделил ударение в словах, наполнил разговоры глаголами повелительного наклонения, междометиями, восклицательными и вопросительными предложениями. Есть и авторские объяснения в скобках. Цель подобных художественных приемов заключается в том, чтобы не исказить события, происходившие в лагере, что обеспечивает оригинальность истории и позволяет размышлять о будущем на основе реальности. Если учесть, что Шухов и другие герои – одни из представителей своей эпохи, тогда их день не только является всего лишь маленьким фрагментом в десятилетней жизни одного невиновного человека – их день предстает как образец жизни огромного количества русских людей. И «таких дней в его сроке от звонка до звонка было три тысячи шестьсот пятьдесят три» [4, с. 114]. В развязке рассказа в последних предложениях Солженицын напомнил читателям, что «не омраченный, почти счастливый» [4, с. 114] день повторяется снова и снова. Процесс повторения этих дней заставил всех обдумать суть жизни заключенных: это нечто большее, чем повторение длительного тихого отчаяния в застывшем времени. Солженицын передал духовное переживание, нравственное возмущение и, наконец, социальное потрясение, чтобы никто не смог позволять себе сказать, что десять лет были ничтожным фрагментом истории.

Показательным в плане соотношения настоящих и будущих событий является рассказ «Случай на станции Кочетовка». Произведение еще раз демонстрирует мастерство Солженицына «в использовании художественной детали, /.../ диалога, /.../ в создании подробного портрете литературных героев» [2, с. 173]. Заметим, что уже само название рассказа имеет символические оттенки, вызывает разные ассоциации. *Случай* – недлительный факт; слово, перед которым требуется поставить подходящие имена прилагательные типа «важный», «неожиданный», «неприятный» и др. *Станция* – пункт остановки, через который протянутся дороги или пересекутся с другими.

Одновременно это эпизодический фрагмент, узел между прошлым и будущим. События, происходившие на станции, возможно, станут решающими факторами, которые не менее важны, чем повороты в судьбе человека. Иными словами, на маленькой железнодорожной станции преднамеренные и нечаянные поступки героя могут сильно повлиять на судьбы других людей; его решения предвещают изменения жизненных путей людей малознакомых и невиновных.

Зотов, главный герой рассказа, – человек ответственный, он четко осознает свой долг и важность работы, поэтому не позволяет себе ошибаться в вопросах, связанных с войной и Родиной. Но он не ожидал, что сыграет чрезвычайно важную роль в судьбе Тверитинова и полностью изменит его последующую жизнь. Зотов сомневался в правильности своего поступка, но ему, к сожалению, нечем ответить на недоумение и мучения Тверитинова. «– Вы – задерживаете меня?!» [4, с. 207] – вопрос дан вразрядку с вопросительным и восклицательным знаками, что указывает на логическое ударение подчеркнуто громкую интонацию, замедленный темп произнесения слова. Это арест, произведенный неожиданно для Тверитинова; его слова звучат с испугом и сомнением. И эти чувства противоположны обдуманному плану Зотова, и арест стал жестоким и подлым событием. Однако в процессе ареста молодой лейтенант твердо поступает, хотя в самый момент ареста «овладела Зотовым робость» [4, с. 207]: необходимо ловить Тверитинова, поскольку он является подозрительным человеком.

Мир, существующий под пером А. Солженицына, раскрывается на материале «настоящего». Справедливо высказывание А. Солженицына о том, он «умел в самых, казалось бы, обычных деталях и подробностях увидеть целую художественную вселенную, связанную с первоосновами человеческого бытия» [5, с. 9].

Выводы и перспективы дальнейшего исследования. Реальный мир в художественных произведениях А. И. Солженицына восстановлен путем детализации событий. Это позволяет автору сделать акцент на двух моментах. Во-первых, по сравнению с величиной и продолжительностью истории, описываемые события являются, пользуясь терминологией писателя, крохотными. Во-вторых, как противопоставление первому положению, писатель концентрирует внимание на личностной активности героев, проявляемой в частных ситуациях, и реакции на эти маленькие события.

Насыщенная картина жизни ээка в «Одном дне Ивана Денисовича», обобщенная в описании одного дня, складывается из отдельных, специально акцентированных автором «мелочей» лагерного быта, выступающих в рассказе как художественные детали.

Художественная деталь является важным средством обобщения и типизации, позволяющим за незаметными с первого взгляда подробностями лагерной жизни увидеть целую систему жизненной философии героя, его отношений с другими людьми. Это же служит для раскрытия противоречий между лагерным миром и жизнью за его пределами.

Источники и литература

1. Лакшин В. Я. Иван Денисович, его друзья и недруги / В. Я. Лакшин // Лакшин В. Я. Литературно-критические статьи. – М. : Гелеос, 2004. – С. 34–83.
2. Полякова Л. В. Тамбовская магистраль русской литературы / Л. В. Полякова. – Тамбов : Изд-во Тамбов. отд. ООП «Литфонд России», 2011. – 340 с.
3. Сараскина Л. И. Александр Солженицын / Л. И. Сараскина. – М. : Молодая гвардия, 2008. – 1008 с.
4. Солженицын А. И. Один день Ивана Денисовича // Солженицын А. И. Собр. соч. : в 30 т. – Т. 1 : Рассказы и Крохотки. – М. : Время, 2006.
5. Спиваковский П. Е. Через полвека / П. Е. Спиваковский // «Ивану Денисовичу» полвека : юбилейн. сб. (1962–2012). – М. : Дом рус. зарубежья им. А. Солженицына: Рус. путь, 2012. – С. 5–11.
6. Урманов А. В. «Один день Ивана Денисовича» как зеркало эпохи ГУЛАГа / А. В. Урманов // «Один день Ивана Денисовича» А. И. Солженицына: Художественный мир. Поэтика. Культурный контекст : сб. науч. ст. / под ред. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2003. – С. 37–77.
7. Урманов А. В. Творчество Александра Солженицына / А. В. Урманов. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 384 с.

Бай Ян. Роль художньої деталі в оповіданнях О. І. Солженіцина. На матеріалі ранніх оповідань О. І. Солженіцина «Один день Ивана Денисовича (1962), «Випадок на станції Кочетовка» (1962) проаналізовано художні деталі, які створюють специфічні предмети реального й художнього часу в малій прозі письменника. Розкрито подробиці зображення таборового життя в їх зіставленні з рисами звичного світу. Виявлено роль деталі в типізації та узагальненні подій, характерів, простору й часу дії. Простежено, як за допомогою художніх деталей формується морально-духовний пласт творів. Проведено лінгвістичний аналіз описових і

діалогових фрагментів тексту. Визначено роль авторських графічних виділень. Наведено розширене тлумачення семантики заголовка оповідання «Випадок на станції Кочетовка».

Ключові слова: творчість О. І. Солженіцина, «Один день Івана Денисовича», «Випадок на станції Кочетовка», художні деталі.

Bay Yan. Role of Art Detail in the A. I. Solzhenitsyn's Stories. On the materials of early stories «One day of Ivan Denisovich» (1962), «Accident on the station Kochetovka» (1962) art details that make specific signs of real and art time in the small writer's prose are analyzed. Specialities of representation of camp life in comparison with probable features of common world are examined. The role of detail in typization and generalization of events, characters, time and place of action is revealed. The way of forming moral-spiritual set of works by art details is traced. Linguistic analysis of descriptive and dialogue fragments of text is conducted. The role of author's graphic emphases is determined. Enlarged explanation of semantics of the «Accident on the station Kochetovka» story's name is given.

Key words: A. I. Solzhenitsyn's creation, «One day of Ivan Denisovich», «Accident on the station Kochetovka», art details.

Статья поступила в редколлегию
12. 01. 2016 г.

УДК 821.161.1.09

Ольга Богданова

Имя Чехова и рассказ И. Бунина «Господин из Сан-Франциско»

В статье переосмысливается традиционная идейная составляющая рассказа и предлагается новый взгляд на классический текст русской литературы. Имя А. П. Чехова напрямую связывается с историей создания рассказа и обстоятельствами, породившими философские размышления Бунина. Предлагается перейти от негативной аксиологии образа господина из Сан-Франциско, отказаться от социологической составляющей его оценочности, взглянуть на характер персонажа шире и увидеть за ним образ общечеловеческий, судьбу каждого человека – господина ли, слуги, писателя или художника, самого Бунина или Чехова.

Ключевые слова: русская литература начала XX века, А. П. Чехов, И. А. Бунин, проза, традиция, рассказ, идея, символ, деталь, элементы биографизма.

Постановка научной проблемы и её значение. Как известно, рассказ И. А. Бунина «Господин из Сан-Франциско» был написан сто лет назад. За столь длительный срок сложился устойчивый ракурс восприятия рассказа как текста с сильно выраженной социально-обличительной тенденцией, направленной на сатирическое изображение высших слоев загнивающего буржуазного общества или, несколько шире, – современного писателю капиталистического социума, развращенного богатством и роскошью. Один из современных серьезных критиков пишет: «Обычный быт парохода “Атлантида” изображен с сатирической злостью и мрачной символичностью. Хозяева жизни утопают в роскоши, целый день едят и спят, развлекаются на вечерних балах, совершенно не обращая внимания на многочисленных молчаливых и незаметных людей, которые обеспечивают, ухаживают, прислуживают <...> Примечательно, что все обитатели “Атлантиды” – люди без имен. Имена Бунин дает только простым итальянцам: коридорному слуге Луиджи, танцорам Кармелле и Джузеппе, лодочнику Лоренцо...» [4, с. 204]. Исследователи бунинского текста единодушны в том, что писатель (будто бы) действительно изобличает пороки развращенной буржуазии, (как будто бы) сочувствует угнетенному и бедному народу-труженику, вынужденному прислуживать и подчиняться высокомерным и равнодушным господам. Однако так ли это? Об этом ли рассказ Бунина «Господин из Сан-Франциско»?

Цель исследования – показать, что идейный замысел Бунина, его художественная – и человеческая – интенция были не просто иными, но кардинально противоположными, намного шире и глубже, что за безымянным господином из Сан-Франциско угадывается судьба (и имя) бунинского современника, памяти которого (без эксплицированного указания) и был посвящен рассказ.